

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: ПОИСКИ САМОКОРРЕКЦИИ

(статья напечатана в ж. «Прикладная психология и психоанализ», 1998, № 4, с. 71-77)

Социальные изменения, происходящие в XX веке и связанные с положением женщины, побуждают задуматься не только о текущих проблемах. Все ярче проявляется повод для восприятия новых перемен с позиции глобального существования человечества.

Возникновение на определенном историческом этапе наделенного разумом человека создало немало проблем. Соединение способности мыслить с полученным в наследство от животных набором инстинктов, рефлексов и реакций породило нечто, что в известном смысле стало противоречить многим закономерностям развития самой природы. А, как известно, наилучшим образом природа развивается, как правило, тогда, когда отсутствует вторжение сознательного компонента в ее владения.

Жизнь как сосуществование различных форм происходит на основе не только их определенной конкуренции, но и их взаимной приспособляемости друг к другу, для чего в ходе эволюции была выработана масса своеобразных неписаных правил. Обобщая их философски, можно сказать, что живая природа умеет достигать динамического равновесия, выраженного во взаимном поглощении одной формы живого мира другой, но при этом в объеме, разумном для всего природного комплекса. Например, одна форма живой материи не может полностью уничтожить другую (допустим, методом поедания), ибо тогда исчезает источник собственного существования.

Формирование же человеческого разума привело к качественному изменению в динамичном равновесии живой системы. Оказалось, что соединение мышления с заложенными природой изначальными функциями нервной

системы сделало человека резко отличным от других представителей живого мира. Для *homo sapiens* характерна не только повышенная гибкость и приспособляемость, но и экстремальность (контрастность) его поведения. Причем различия между крайними полюсами эмоциональных реакций несопоставимы с тем, что мы можем видеть, например, у животных.

Так, мягкие, контактные стороны психики животных (основанные на встречной тяге сексуальных партнеров, на инстинкте заботы о потомстве) получили благодаря разуму воплощение в стремлении человека к красивому, прекрасному. Уже в первобытном существе проявилось желание изображать природу в наскальных рисунках. Позднее возникло стремление разукрашивать свое тело, расписывать божественных идолов. Спустя тысячелетия сложились школы искусств, появились величайшие творения духовного творчества.

Одновременно влияние разума резко усилило проявление других, в известном смысле противоположных инстинктов. И прежде всего агрессии. К сожалению, далеко не во всем человек смог придать этому инстинкту рациональные формы реализации, и сама степень его проявления стала чрезмерно завышенной по сравнению с тем, как этот инстинкт выражается у животных, от которых в свое время человек ушел по тропе цивилизации.

Прекрасное объяснение этого феномена дано в исследовании австрийского психолога К.Лоренца: природа не снабдила нас теми ограничителями в проявлении агрессии, которые существуют у хищных животных и которые необходимы для самосохранения вида. Появление мышления, общественного образа жизни очень быстро и радикально вооружили человека сначала камнем, луком и ножом, а позже — напалмом, ракетами, ядерными бомбами, концентрационными лагерями. Соотношение усиленных разумом инстинктов обусловило печальные последствия: гипертрофированный инстинкт уничтожения стал проявляться сильнее осмысленного инстинкта любви. Борьба между представителями человеческого рода, группами, слоями, нациями превратилась в типичное явление. (Отметим параллельно, что сходная оценка человеческой природы у Ф.Достоевского явилась, очевидно, причиной столь

минорного оттенка его работ.)

Итак, возникнув, человеческое общество изначально приобрело достаточно агрессивные ориентиры. Это образно (и притом в мягко-тактичной форме) прозвучало в работе швейцарского профессора философии Ж.Херш: "Человек не от природы миролюбив!" Усилив контрасты, человеческий разум создал, таким образом, опасную ситуацию и во всем живом мире.

В то же время обобщение нашего исторического развития показывает, что у человечества постепенно стал проявляться и некий коллективный, видовой инстинкт самосохранения. В нашу генную память его заложила на определенном этапе сама природа. Но возникает он не столько на уровне отдельного человека, сколько в масштабах всего человеческого рода.

Общество интуитивно начало стремиться к созданию таких форм или институтов жизни, задача которых состоит в спасении человечества как вида. Данные явления не есть нечто застывшее. Их варианты могут меняться, а количество — расти. К ним мы отнесем религию, рыночную систему, государственный строй, культуру, науку, военную силу — все то, что образует понятие "цивилизация".

Жизнь показала, что каждая форма помогает решать проблему, но всегда существуют и границы возможного. Кроме того, любой вариант пользы имеет и определенную цену.

Одним из первых проявлений коллективного инстинкта человечества по самосохранению стало появление религиозных верований. По сути, это один из первых вариантов самокоррекции поведения общества. Первые религиозные учения основывались на выработке небольшой, но жестко проводимой системы табу, в некоторой степени ограничивающей внутривидовое самоуничтожение. Более поздние варианты религий создали системы с широким набором постоянно предписываемых "правил поведения". Норма "не убий" стала одним из священных требований (применявшимся, правда, в достаточно "либеральном" виде).

Религиозные ограничения сделали немало для наведения "порядка",

уменьшения человеческой иррациональности. Однако и пробелов оставалось достаточно. Религия смогла уменьшить внутривидовое самоуничтожение, но лишь в определенных пределах. Исходные формы богопреклонения останавливали самоагрессию в рамках групп, племен, но часто не ставили барьеров перед уничтожением представителей других племен. Более сложные варианты веры перенесли эпицентр ненависти еще дальше — за пределы своих национальных границ, в основном на представителей других религий. Постепенно, с развитием человечества, враждебность наций на религиозной почве несколько смягчилась. Но далеко не везде. В некоторых верованиях до сих пор ставится задача (закрепленная даже в конституциях стран) физического уничтожения "иноверцев".

Все это привело к тому, что в человеческом обществе возникла настоячивая потребность в формировании еще одного института самокоррекции. Таким стабилизирующим вариантом явился процесс зарождения рыночной системы, ставшей по своему содержанию сферой не только экономического, но и психологического взаимодействия людей.

История неоднократно доказывала: рынок помогает смягчать агрессивный перевес в характере человека. Но каков механизм • иных явлений? Почему рыночный процесс способен "усмирять" экстремизм человеческой природы? Ответ заложен в самом принципе обменных операций. Для того чтобы удовлетворить свои запросы, человек прежде должен удовлетворить потребности других членов общества. Приобретение благ требует средств. В цивилизованном обществе индивид получает их лишь тогда, когда уже предоставил свой труд другим.

Конечно, рыночные операции — не форма проявления каких-либо готовых "обменных" инстинктов или реакций, заложенных природой. (Сравним: животные — даже высокоразвитые — в своем общении ни к каким обменным операциям не пришли, поскольку им это и не было необходимо. У них не сформировалось сознание и не возникло в результате дисбаланса психики.) Тем не менее, поведение людей в мире товаров является чем-то искусственным, оно

все же базируется на природных компонентах (в частности, на таком рефлексе, как хватание, на инстинкте к еде и продолжению рода). Рыночный вариант общения — находка, к которой постепенно пришел человек, подстраивая свои интересы к интересам других. Товарные операции — компромисс между целями разных людей. Человечество убедилось, что достижение баланса между противостоящими устремлениями — лучший метод решения проблем.

К сожалению, и этот институт (который много дал) не всегда оказывается способным преодолевать взрывоподобный механизм человеческой природы. Периоды мирной и активной торговли между народами и странами постоянно чередуются в истории человечества с самыми нелепыми (по своему реальному смыслу) войнами.

В результате элементом самовоспитания человечества стал еще один институт — государство. Проблема создания государственной машины стала весьма важной в анализе судеб человеческого общества у многих философов и мыслителей.

Государственная система строится на основе весьма рациональной идеи. Система законов, разрабатывающая свод прав и ответственности каждого, — важный элемент "облагораживания" поведения нации. Многое дало создание государством рамочных условий, то есть экономического, социального и политического порядка. Однако и здесь не обошлось без минусов. Законы не помешали одной части населения уничтожать (причем в массовом порядке) другую — прежде всего в тоталитарных обществах. Национальные государственные законы к тому же не регламентируют межгосударственные отношения.

Конечно, постепенно созданная ведущими странами мира система военного сдерживания, международных договоров, а позднее международных организаций, межнациональных сил поддержания порядка — все это важные шаги человечества по пути самоспасения. Однако иррациональность поведения людей полностью не устраняется и этим. XX век проявил немало парадоксов в динамике человеческого общества. Например, Западная Европа, которая, по

словам известного немецкого философа О.Шпенглера, является "эпицентром мировой цивилизации", в этом веке уже дважды "срывалась" в пучину самых жестоких войн.

Не сработав в полной мере как институт самоспасения человечества, государственная машина во второй половине XX столетия стала все больше предоставлять поле действия еще одному институту — росту женского самосознания, повышению лидирующей роли материнской стороны человеческого общества.

Тенденция к усилению роли женского движения проявлялась на протяжении всех последних ста лет. Первые признаки стали заметны в конце XIX века. Любопытно, например, что примерно в 1884 году немецким университетам было разрешено приступить к обучению женской части населения. Заложенный же у нее потенциал оказался настолько сильным и более эффективным, чем у мужчин, что сегодня уже просто нельзя не замечать динамичного вызревания и становления во многих сферах жизни женского лидирующего начала. Парадоксально, однако, что повсеместно параллельно стала проявляться явная феминизация мужской половины общества (что часто выражается потерей значительной частью мужчин даже внешне отличающих их признаков).

О внутреннем потенциале женщин до сих пор было не принято говорить громко (очевидно, чтобы не ущемлять чувства мужчин). Проведем аналогию: уже многие годы в спортивном мире четко заметно, что негритянские спортсмены обладают явно более высокими физическими данными по сравнению с представителями европеоидной расы, однако признать этот факт открыто решились совсем недавно. Хотя известно, что рациональное понимание данного обстоятельства лучше, чем полускрытые недомолвки и намеки.

Итак, обратившись к вопросу о роли женщин, пора сказать: жизненные силы данной половины общества заметно выше. И, прежде всего благодаря гибкости и умению приспосабливаться. Четкое осознание данного обстоятельства может оказаться весьма полезным, в частности, для понимания

того, почему женщина живет примерно на 10 лет дольше мужчины, активнее стремится к образованию, точнее и качественнее работает.

Приведем несколько неожиданное сравнение: поведение женской половины человечества по своей гибкости напоминает стиль жизни одной из наиболее жизнеспособных наций — китайской. Напомним, что одна из причин, объясняющих высокую жизнеспособность китайской нации (самой многочисленной в мире), заключается именно в удивительной способности к гибкости и маневру. Не грубый напор и тоталитаризм, а плавность, гибкость и умение находить компромиссы. Вспомним, что даже одно из самых совершенных направлений рукопашного боя — кунг фу построено в значительной мере на пластичности. Не случайно эстетическая сторона данного боевого спорта породила массу вариаций национальных танцев. Еще пример: чрезвычайно интересно ведут себя автоводители в Китае. Ожидая разрешающего сигнала светофора, их машины никогда не стоят как вкопанные, а совершают еле уловимые и очень гибкие микроманевры.

Существует еще одна историческая аналогия. На этот раз сходство обозначим не с гигантской нацией, а с относительно малым еврейским народом. Ему, как известно, пришлось около двух тысяч лет жить в постоянном страхе за свое существование. Будучи изгнанным азиатскими нациями с территории исконной родины, еврейский народ кочевал (также периодически изгоняемый) по разным странам Европы. Спаслись как нации ему помогли лишь гибкость и стремление к образованию (в Талмуде обязанность учиться обозначена как одно из священных правил жизни).

Сошлемся также на наблюдение, которое можно сделать, работая, например, в экономическом вузе — престижно-элитарном секторе российской экономики сегодня. В поведении современных студентов видно броское различие: в той части лекционной аудитории, которая расположена ближе к лектору, сидят, как правило, только девушки, слушая лекции с предельным вниманием и интересом. Мужская часть аудитории преимущественно занимает последние ряды, нередко демонстрируя равнодушие, часто — скептицизм,

порой — бахвальство и высокомерие. Активной среди них бывает, как правило, лишь небольшая часть, в основном яркие личности.

Эти размышления дают основание для вывода: иррациональность поведения общества, проявляемая в своей наихудшей форме — в виде самоагрессии, в значительной степени зависит от соотношения лидирующих ролей мужчины и женщины. Именно поэтому сначала спонтанно, а затем и осознанно общество начинает искать в себе новое соотношение этих сил.

Объяснение различной динамики лидирующих начал у мужчин и женщин базируется на дифференциации исходных инстинктов. В основе стремления женщины к лидерству лежит инстинкт материнства, создания жизни, в иерархии же внутренних импульсов мужчины превалирует стремление к агрессии (гипертрофированной, к сожалению, наличием сознания). Аспект соучастия в воспроизводстве жизни — часто лишь быстрая функция получения наслаждения (более объемного задания природа в мужчину почти не вложила).

Развитие общества привело к тому, что потребность в реализации женских природных начал сохранилась (хотя тоже в несколько измененном виде — с упором не на количественные, а уже на качественные параметры). В то же время спрос на мужские природные качества (прежде всего по защите и нападению) современная жизнь в значительной мере сократила. Скорее всего, именно невозможность в прежней форме удовлетворять свои рефлекс, внутренние импульсы не только создали повышенный элемент нервозности, агрессивности мужчины, но и усилили степень непредсказуемости его поведения.

История' свидетельствует: большинство срывов в развитии человеческого общества обусловлено лидирующим положением и поведением мужчины. (Самый последний пример — позиция лидера Ирака, противопоставившего себя коллективной позиции всех стран.) Происходящее в XX веке выдвижение женской половины человечества на все более активные позиции, видимо, может стать принципиальным положительным шагом в процессе развития

человечества.

Конечно, все понимают, что женщина имеет не только сильные, но и слабые стороны. Согласно заложенной в нее природой программе, она не всегда рвется к новшествам. Над ней довлеет разумный консерватизм. В высотах науки, например, женщины не занимают лидирующих позиций (может быть, пока?). Кроме того, женская половина человечества обладает и немалым элементом иррациональности. Однако, оценивая степень разумности и неразумности, мужчинам следует признать: современная женщина по этому критерию уже обошла мужское племя, прежде всего потому, что изначально создана для продолжения человеческой жизни, а не для ее уничтожения.

Не случайно, например, политическая арена, в первую очередь требующая умелого поиска компромиссов, сегодня активно заполняется представительницами слабого пола.

Итак, человечество подошло еще к одному варианту решения основной проблемы своего развития: постепенное усиление женского контроля за движением руля политического, а отчасти и экономического управления обществом — вот в чем заключается подспудное требование нашего коллективного инстинкта. Хочется надеяться, что на этот раз в дело вступит наиболее сильный вариант самоспасения человеческого общества.